

Богословско-историческая коллекция
**Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России**

Остроумов Н.П.

**ВОСПОМИНАНИЯ
О МИССИОНЕРСКОМ
ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКОМ
ОТДЕЛЕНИИ
ПРИ КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**

Православный собеседник, 1892,
ч. 1, с. 131-142

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Казанская духовная семинария
www.kazds.ru

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Москва, 2014

ВОСПОМИНАНІЯ

О МИССИОНЕРСКОМЪ ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ПРИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ¹⁾.

Это отдѣленіе извѣстно мнѣ съ 1866 г. по 1870 г., какъ учившемуся, а съ 1870 г. по 1877 г., какъ учившему. Я обязанъ этому отдѣленію не только знаніями, касающимися мусульманства и инородческаго дѣла въ Россіи, но болѣе того, — любовью, привязанностію къ этому дѣлу и къ лицамъ, руководившимъ и доселѣ руководящимъ инородческимъ дѣломъ въ Казани. Николай Ивановичъ Ильминскій и Евѣимій Александровичъ Маловъ были моими наставниками, а Гордій Семеновичъ Саблуковъ руководилъ мною уже по окончаніи курса въ академіи. Этимъ тремъ лицамъ я обязанъ цѣлымъ настроеніемъ, не покидающимъ меня и доселѣ на отдаленной окраинѣ Россіи, въ Ташкентѣ. Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ встрѣтилъ означенныхъ лицъ въ роли своихъ наставниковъ, но и до сихъ поръ живо помню ихъ симпатичный образъ, голосъ, манеры, даже особенности одежды, походки и проч. Такъ сильно, неизгладимо впечатлѣніе отъ лицъ, которымъ я обязанъ

¹⁾ Воспоминанія эти присланы авторомъ въ качествѣ матеріала для исторіи академіи. По случаю кончины незабвеннаго Н. П. Ильминскаго, личности котораго они преимущественно касаются, редакція Собесѣдника сочла благовременнымъ напечатать ихъ на страницахъ своего журнала.

лучшимъ своимъ достояніемъ. — знаніями и душевнымъ настроеніемъ. Я и до сихъ поръ еще замѣчаю на себѣ, что, не смотря на продолжительное время и огромное разстояніе, раздѣляющее меня отъ Казани, я иногда невольно подражаю своимъ наставникамъ въ голосѣ, въ оборотахъ рѣчи и т. д. Хотѣлось бы много, много написать о нихъ: пріятныя воспоминанія доставляютъ удовольствіе; но къ сожалѣнію, я вынужденъ быть краткимъ. Я боюсь притомъ, что не сумѣю высказать во всей силѣ своихъ задушевныхъ чувствъ и мыслей, какія вызываются у меня при воспоминаніи о томъ времени и о тѣхъ лицахъ. Но да простятъ мнѣ мои почтенные наставники, если я какъ-нибудь не такъ выражусь, или не договорю чегонибудь....

Миссіонерское противомусульманское отдѣленіе (вмѣстѣ съ противораскольническимъ и противобуддійскимъ) существовало при академіи, какъ нѣчто придаточное, не обязательное; но каждый студентъ долженъ былъ числиться на этомъ отдѣленіи, если онъ не записался на какое-нибудь изъ двухъ другихъ отдѣленій. Выборъ какого-нибудь изъ этихъ трехъ отдѣленій для большинства молодыхъ людей былъ случайнымъ; случайно попалъ и я на противомусульманское именно отдѣленіе: я сначала записался было на противораскольническое отдѣленіе, но старшій землякъ мой Ст. Аѳанасьевъ разговорилъ меня, и я переписался. Трудно вѣрится теперь, какъ 24 года назадъ я бѣжалъ отъ дѣла (Аѳанасьевъ сказалъ мнѣ, что расколомъ заниматься трудно) и попалъ на самое горячее, живое дѣло; искалъ легкаго отбыванія обязательной повинности, а очутился въ повинности далеко нележкой и, удивительное дѣло! — усердствовалъ, особенно первые два года и послѣдній. Такой переменой во взглядѣ на изученіе мусульманства я обязанъ личному вліянію названныхъ наставниковъ, которыхъ я сразу какъ-то особенно полюбилъ, уважалъ и помню, что часто чувствовалъ угрызенія совѣсти, если не усердно приготовлялся къ лекціямъ. И товарищество у насъ было

хорошее: насъ такъ и звали прочіе студенты—*татарами*, что указывало на предметъ нашихъ особенныхъ (не штатныхъ) занятій.

Намъ приходилось изучать татарскій и арабскій языки и обличеніе мусульманства. Татарскій и арабскій языки преподавалъ намъ Н. И. Ильминскій, а обличеніе мусульманства Е. А. Маловъ. В. Т. Тимоѣевъ практиковалъ насъ въ разговорномъ татарскомъ языкѣ во внѣ-урочное время. Каждую недѣлю мы имѣли двѣ лекціи Н. И-ча и одну Е. А-ча. В. Т-чъ ходилъ къ намъ раза три въ недѣлю.

Собрались мы въ первый разъ въ аудиторіи. Насъ было человекъ двадцать. Сидимъ и ждемъ Н. И. Ильминскаго, о которомъ я слышалъ много, а самого его еще не видѣлъ. Наконецъ дверь отворилась, и къ намъ вошелъ профессоръ небольшого роста, въ синемъ вице-мундирномъ фракѣ (Н. И. тогда дослуживалъ въ казанскомъ университетѣ, а являлся къ намъ въ общей Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія формѣ). Какъ-то невольно я осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, и у меня осталось съ тѣхъ поръ пріятное впечатлѣніе отъ него. Поклонился онъ намъ и, остановившись предъ партами, съ серьезнымъ задумчивымъ видомъ сталъ говорить, что намъ предстоитъ изученіе татарскаго и арабскаго языка и что впереди у насъ можетъ быть и приложеніе нашихъ знаній. Въ это время былъ въ Казани оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Д. А. Толстой, который обратилъ серьезное вниманіе на положеніе крещеныхъ инородцевъ Казанскаго края и обѣщаль свое содѣйствіе только что начинавшемуся тогда образованію крещеныхъ инородцевъ въ православномъ христіанскомъ духѣ, при условіи допущенія природнаго языка инородцевъ въ школы и въ церкви. Это новое движеніе въ инородческомъ дѣлѣ вызывало нужду въ руководителяхъ и исполнителяхъ, каковыми мы и могли сдѣлаться по окончаніи курса въ академіи. Тогда крещено-татарская школа, только что открытая, уже стояла крѣпко и была намъ извѣстна по слухамъ.

Н. И. обратилъ наше вниманіе на значеніе христіанскаго образованія для нашихъ крещеныхъ инородцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на несомнѣнные факты мусульманской пропаганды среди крещеныхъ инородцевъ, которые массами отпадали отъ православной церкви, ученія которой они въ большинствѣ совершенно не знали, оставаясь въ душѣ скорѣе простодушными язычниками.

Все это говорилось просто, задушевно, безъ всякихъ прикрасъ. Мы слупали его съ напряженнымъ вниманіемъ и не видѣли, какъ время прошло. Н. И. ушелъ, а мы, новички, продолжали еще чувствовать себя подъ вліяніемъ и обаяніемъ задушевной, полной вѣры и убѣжденія, рѣчи его... Н. И-чъ уже завоевалъ насъ, но мы этого еще не сознавали, а только чувствовали что-то особенное.

Не помню теперь, когда намъ пришлось видѣть и слушать другаго нашего профессора Е. А. Малова. Онъ также произвелъ на меня особенное впечатлѣніе своимъ видомъ и своею рѣчью. Онъ носилъ тогда длинную бороду и ходилъ въ длиннополую черную сюртукъ, имѣя манеры истиннаго миссіонера-практика. Онъ съ убѣжденіемъ говорилъ объ истинности и святости дѣла, которому онъ самъ искренно служилъ и къ которому хотѣлъ готовить насъ.

Такъ мы познакомились съ двумя представителями своего отдѣленія, которые приглашали насъ къ дѣлу новому, совершенно особому по задачѣ и характеру. Они, преданные своему дѣлу, наставники наши, поддерживали въ насъ желаніе заниматься и располагали насъ своимъ примѣромъ къ инородцамъ, для христіанскаго просвѣщенія которыхъ Н. И. и Е. А. беззаветно трудились. Трудно вспомнить теперь, что мы думали и чувствовали въ разное время по поводу занятій своихъ миссіонерскими науками, но мы часто и много говорили объ этомъ сверхдолжномъ для себя дѣлѣ. Вотъ началъ Н. И. преподавать намъ татарскій языкъ. Преподаваніе его было въ высшей степени

просто, вразумительно и въ то же время научно и занимательно. Онъ личнымъ долготѣтнымъ опытомъ дозналъ, что татарскій языкъ въ формѣ книжно-мусульманской не даетъ понятія о духѣ этого языка, крещенымъ инородцамъ не доступенъ вполнѣ, не вразумителенъ и, кромѣ того, не симпатиченъ, какъ языкъ мусульманъ, враждебно настроенныхъ и враждебно дѣйствующихъ въ отношеніи христіанства. Поэтому онъ, послѣ многолѣтнихъ занятій *книжнымъ мусульманско-татарскимъ* языкомъ, рѣшительно разлюбилъ его и всѣ свои симпатіи и энергію перенесъ на народный татарскій языкъ, какимъ онъ сохранился въ чистотѣ у татаръ крещеныхъ, преимущественно въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Съ этимъ-то языкомъ Н. И. и сталъ насъ знакомить. Преподаваніе Н. И-ча никогда не носило характера *лекцій* (lectio), а отличалось совершенно практическимъ направленіемъ. Онъ писалъ намъ на доскѣ татарскій текстъ русскими буквами и, примѣнительно къ методу Робертсона, объяснялъ его. Объясненія его были ясны, полны глубокаго интереса. Онъ умѣлъ входить въ самую психологію языка, объяснялъ не просто форму слова, а раскрывалъ предъ нами ту скрытую работу народнаго генія, насколько можно было путемъ глубокаго филологическаго и психологическаго анализа воспроизвести ее въ нашемъ сознаніи. И это онъ дѣлалъ съ такою неподражаемою простотою, что невольно приходилось заслушиваться его объясненій, которыя однако всегда были кратки, безъ лишняго многословія. Только лишь, бывало, заслушаешься его объясненія и почувствуешь себя въ пріятномъ настроеніи, которое хотѣлось бы продолжить, а онъ уже приступаетъ къ объясненію новой формы. И это было такъ своевременно, что какъ-будто онъ точно опредѣлилъ заранѣе, сколько времени остановиться на известной формѣ. Такимъ образомъ время у насъ даромъ не тратилось: мы шли впередъ постепенно, *спѣши медленно*, и успѣвали. Если

не ошибаюсь, въ 13—15 уроковъ ¹⁾ онъ настолько познакомилъ насъ съ грамматическими формами татарскаго языка, что мы были въ состояніи приступить къ переводу книги Премудрости Іисуса сына Сирахова (Агылъ биря торганъ князя) и читали ее въ классѣ подъ его руководствомъ. Тогда онъ заботился уже о томъ, чтобы мы втянулись въ чтеніе послѣдовательнаго книжнаго изложенія на крещено-татарскомъ языкѣ, и прочитывалъ съ нами въ классѣ довольно много. По-прежнему онъ, гдѣ находилъ нужнымъ, останавливалъ переводившаго, спрашивалъ значеніе формы, подсказывалъ значеніе неизвѣстнаго слова, поправлялъ неправильный переводъ и объяснялъ замѣчательные обороты. Все это дѣлалось просто, задушевно. Обыкновенно онъ стоялъ передъ нами и слѣдилъ за чтеніемъ и переводомъ; мы внимательно смотрѣли въ книгу, и ничѣмъ постороннимъ не отвлекалось наше вниманіе. Какъ-то незамѣтно проходило время урока, не чувствовалось усталости. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Н. И-чъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы особыми *вечерними* занятіями подвинуть меня въ языкѣ. Вечеромъ, за чаемъ Н. И. прочиталъ со мною нѣсколько главъ. Въ то же время, узнавъ отъ В. Т-ча, что я охотно занимаюсь татарскимъ языкомъ, Н. И-чъ предложилъ мнѣ ходить въ крещено-татарскую школу. Я воспользовался этимъ предложеніемъ и, посѣщая школу, упражнялся тамъ съ мальчиками (дѣтьми крещеныхъ татаръ) въ разговорномъ татарскомъ языкѣ. Какъ припоминаю, въ школѣ я проводилъ время очень интересно: мальчики относились ко мнѣ съ дѣтскимъ простодушіемъ, а я въ свою очередь чувствовалъ къ нимъ особенное расположеніе. Иногда мы въ школѣ сидѣли за столомъ и разговаривали, а иногда выходили на от-

¹⁾ Эти уроки были изложены имъ письменно, каждый урокъ на отдельномъ листѣ, которые онъ и выдавалъ намъ для повторенія и лучшаго усвоенія того, о чемъ говорилось въ аудиторіи. Мы съ особеннымъ усердіемъ списывали для себя эти уроки.

крытое мѣсто за ограду школы и тамъ, по ямкамъ, гуляли и разговаривали. Часто мальчики приходили ко мнѣ въ академію и оставались у меня по нѣсколькѣ часовъ. Пріятно и теперь вспомнить, какъ это мальчуганы, бѣдно одѣтые (въ зипунчикѣ и лаптяхъ), нѣсколько не были заняты собой и въ тоже время отлично понимали свою роль въ данномъ случаѣ: они не только отвѣчали на мои вопросы, но и сами старались руководить упражненіемъ въ разговорѣ и всегда исправляли мои ошибки. Эти мальчики ходили и къ другимъ моимъ товарищамъ. И мы всегда ихъ ласкали.

Упражненія съ мальчиками крещено-татарской школы значительно развязывали намъ языкъ и облегчали трудъ практиканта В. Тимоѣевича, который приходилъ къ намъ послѣ двухъ часовъ и занимался съ нами часа по два, смотря по нашему желанію. Кромѣ того, онъ рассказывалъ намъ о жизни крещеныхъ татаръ и тѣмъ возбуждалъ въ насъ живой интересъ къ живому дѣлу. Мы его любили, какъ человѣка скромнаго, добродушнаго и уважали за его плодотворную дѣятельность. Онъ часто ѣздилъ тогда по разнымъ селеніямъ крещеныхъ татаръ и, возвращаясь, рассказывалъ намъ свои впечатлѣнія.

Въ числѣ учениковъ крещено-татарской школы того времени я особенно помню Якова Малаго (Панфилова), Бориса и Ивана Рыжаго. Яковъ Малый неоднократно ѣздилъ въ крещено-татарскія селенія съ Е. А. Маловымъ и однажды записалъ въ маленькой тетрадкѣ (въ формѣ дневника), какъ они встрѣчались съ разными отступниками отъ христіанства и бесѣдовали съ ними о вѣрѣ. Эти записки, изложенныя совершенно простымъ, безыскусственнымъ, дѣтскимъ языкомъ, были очень интересны по содержанію. Н. И. Ильминскій приносилъ ихъ съ собой на уроки татарскаго языка и сдѣлалъ изъ нихъ своеобразный и занимательный предметъ упражненій нашихъ въ языкѣ: въ концѣ урока онъ читалъ намъ эту тетрадку, а мы по очереди переводили ее на русскій языкъ. Помню,

что это упражненіе насъ занимало вдвойнѣ, — и какъ упражненіе въ переводѣ, и какъ интересный матеріаль живой бесѣды.

Всѣми означенными способами мы постепенно знакомились съ татарскимъ языкомъ и скоро достаточно освоились съ нимъ. Но алфавита арабско-мусульманскаго мы еще не знали. Н. Ивановичъ такъ и велъ преподаваніе, что мы сначала знакомились съ матеріаломъ, законами и формами татарскаго народнаго языка, а затѣмъ уже переходили къ изученію арабскаго языка, послѣ чего съ книжнымъ языкомъ татаръ-мусульманъ легче можно было освоиться, такъ какъ книжный языкъ татаръ-мусульманъ въ рукахъ грамотеевъ-мусульманъ совершенно утратилъ отличительныя особенности татарскаго языка, будучи переполненъ арабскими и персидскими словами и не свойственными татарскому языку оборотами. Послѣ краткой арабской грамматики проф. Болдырева, мы переводили, въ видѣ первоначальнаго упражненія христоматію Арнольда, а потомъ стали переводить арабскій текстъ корана. Перевели мы 1-ю и 2-ю главы изъ корана, краткій мусульманскій катихизисъ, сост. Пиргаліемъ-Эфендіемъ, араб. грамматику „Кяфія“, богословіе Нясяфи и Шархъ-визая, изд. покойнымъ А. К. Казембекомъ.

Такимъ образомъ мы достаточно освоились съ арабскимъ языкомъ и въ тоже время съ мусульманскимъ вѣроученіемъ по подлиннымъ вѣроучительнымъ книгамъ мусульманъ. Трудно доставался намъ арабскій языкъ, приходилось подготовляться къ урокамъ (при чемъ намъ помогали студенты старшаго курса Заборовскій и Зеленецкій), но содержаніе переводимаго интересовало насъ своею новизною, часто необыкновенною своеобразностью. Неслыханныя нами до того времени мудрованія мусульманскихъ богослововъ часто служили предметомъ оживленныхъ бесѣдъ вечеромъ, въ которыхъ принимали участіе и другіе студенты, не обучавшіеся мусульманству.

Къ сожалѣнію, неопредѣленность будущаго положенія нашего, по выходѣ изъ академіи, охлаждала нерѣдко наше усердіе къ занятіямъ арабскимъ языкомъ. Я лично чувствовалъ это на третьемъ году своего обученія миссіонерскимъ предметамъ. Въ это время среди насъ было уже нѣсколько человѣкъ „отпадшихъ“; примѣръ дѣйствовалъ дурно; обязательныхъ занятій основными предметами академическаго курса было много, а приготовленіе къ урокамъ арабскаго языка отнимало немало времени и было затруднительно (особенно когда переводили богословіе), — и вотъ иногда являлась искуссительная мысль не идти на лекцію... Но почтительное уваженіе къ Н. Ивановичу тотчасъ же вызывало угрызенія совѣсти; мы чувствовали, что совѣстно, неприлично не явиться къ нему на лекцію, и употребляли усилія надъ собой, — шли въ аудиторію. Достойно замѣчанія, что никогда ни одинъ изъ насъ не слышалъ отъ Н. И-ча ни одного слова и не видѣлъ ни одного знака недовольства. Иногда бывало на лекціи его всего два человѣка, а Н. И-чъ, какъ бы не замѣчая этого, усердно переводить съ нами арабскій текстъ и объясняетъ намъ переводимое.

На 4-й годъ, по указанію Е. А. Малова, я занимался изготовленіемъ диссертации на степень и по требованію темы долженъ былъ переводить мусульманскую книгу Рабгузы „Разказы о пророкахъ“. Это занятіе поддержало во мнѣ усердіе и къ арабскому языку. Книгу съ помощію К. Насырова я осилилъ и въ языкѣ книжно-татарскомъ достаточно успѣлъ.

На лекціяхъ Е. А. Малова мы прослушали исторію жизни Мухаммеда, исторію текста корана, изложеніе и опроверженіе мусульманскаго вѣроученія и исторію русской противомусульманской миссіи. Свѣдѣній этихъ было вполне достаточно для ознакомленія насъ съ системой мусульманской религіи. И безъ сомнѣнія, эти свѣдѣнія поддерживались бы и расширялись по выходѣ изъ академіи, если бы студенты миссіонерскаго отдѣленія имѣли возможность примѣнять

ихъ къ дѣлу на службѣ. Но поступая на службу въ разныя семинаріи, студенты миссіонерскаго отдѣленія большею частію забывали пріобрѣтенныя ими въ академіи свѣдѣнія по мусульманству, и въ крайнемъ случаѣ хранили ихъ при себѣ, какъ пріятное воспоминаніе¹⁾.

Памятникомъ занятій уважаемыхъ нашихъ профессоровъ и усердія студентовъ академіи противомусульманскаго отдѣленія служатъ такъ называемыя курсовыя сочиненія студентовъ, изданіе которыхъ подъ общимъ заглавіемъ „Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ“ продолжается досель. Только немногимъ слушателямъ миссіонерскихъ наукъ выпадала счастливая доля служить въ такихъ семинаріяхъ, въ которыхъ преподавался татарскій языкъ и гдѣ, слѣдовательно, можно было примѣнить вынесенныя изъ академіи знанія. Изъ всѣхъ студентовъ XIII курса я одинъ, по совершенно случайно сложившимся обстоятельствамъ, могъ и долженъ былъ продолжать свои занятія мусульманствомъ, занявъ въ 1870 году кафедру противомусульманскихъ предметовъ при академіи, на которой состоялъ до 1877 года. За этотъ періодъ времени, не смотря на непрочную постановку противомусульманской кафедры при академіи, усердіе студентовъ къ изученію мусульманства не ослабѣвало; въ числѣ ихъ были личности даровитыя, занимавшіяся сверхдолжными предметами съ большимъ стараніемъ и даже съ увлеченіемъ. Два бывшіе слушателя миссіонерскихъ предметовъ въ настоящее время носятъ санъ епископа, одинъ занимаетъ должность директора учительской семинаріи, а одинъ профессорствуетъ въ академіи. Увлеченіе изученіемъ противомусульманскихъ

¹⁾ Интересно было бы имѣть при этомъ въ виду представленіе Высокопреосвященнаго Антонія казанскаго къ оберъ-прокурору Св. Синода, написанное имъ въ іюлѣ или августѣ 1870 г. по вопросу объ открытіи въ казанской семинаріи кафедры по обученію мусульманства.

предметовъ у нѣкоторыхъ студентовъ доходило до того, что они, по окончаніи академическаго курса, рѣшились ѣхать на службу въ отдаленный Туркестанскій край на должность учителей городскихъ училищъ въ Перовскѣ и Самаркандѣ. Одному, если не ошибаюсь, увлеченье миссіонерствомъ стоило жизни, а одинъ (М. А. Машановъ) имѣлъ все шансы на занятіе каѳедры при академіи по русской словесности, но не отступилъ отъ своей привязанности къ миссіонерскимъ предметамъ, все время отмѣнно усердствовалъ въ занятіяхъ этими предметами, написалъ отличное сочиненіе на тему о мусульманскомъ бракѣ и затѣмъ съ честью занялъ каѳедру при академіи на миссіонерскомъ отдѣленіи.

Наконецъ я съ почтительною признательностью вспоминаю покойнаго профессора противомусульманскаго отдѣленія Г. С. Саблукова. Пока я самъ учился въ академіи, я только слышалъ о немъ часто, какъ о человѣкѣ, глубоко изучившемъ мусульманство и продолжавшемъ трудиться надъ обработкою своихъ ученыхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ во время службы при академіи, а лично я былъ представленъ ему Н. И. Ильминскимъ уже въ 1870 г. Почтенный старичекъ Гордій Семеновичъ радушно, по-отечески принялъ меня и просилъ бывать у него. Съ тѣхъ поръ я до выѣзда изъ Казани въ 1877 году пользовался его учеными бесѣдами и указаніями. Его глубокія познанія въ мусульманской религіи были для меня необыкновенно важны, а его высоко-нравственная личность, при отмѣнной скромности чисто евангельскаго характера, замѣняли для меня воспитателя. Въ бесѣдахъ съ нимъ я находилъ нравственную поддержку и успокоеніе и всегда уходилъ отъ него съ обновленной энергіей къ занятіямъ противомусульманскими предметами. Помню живо, какъ однажды онъ сказалъ мнѣ: „Разъ вы начали заниматься этимъ дѣломъ, то и не бросайте его уже во всю жизнь, не смотря ни на какія невзгоды; успѣхъ въ занятіяхъ будетъ, и въ этомъ вы будете

находить себѣ утѣшеніе“. Собственный примѣръ высокопочтеннаго старца служилъ лучшимъ подтвержденіемъ словъ его. Съ услажденіемъ я до сихъ поръ вспоминаю, какъ онъ, отягченный уже годами жизни, пѣнечкомъ заходилъ иногда ко мнѣ на квартиру (въ крещено-татарской школѣ) и здѣсь дѣлился со мною своими мыслями и, по своему неподдѣльному простодушію, спрашивалъ даже и моего неавторитетнаго для него мнѣнія. Ни прежде, ни послѣ я не встрѣчалъ другаго Гордія Семеновича, котораго я, по примѣру его родныхъ, всегда почиталъ „Дѣдушкой“, какимъ онъ и былъ въ отношеніи противомусульманскаго миссіонерскаго отдѣленія.

Дѣдушка Гордій Семеновичъ, Николай Ивановичъ Ильминскій, Евѡимій Александровичъ Маловъ и Василій Тимоѡеевичъ — вотъ дѣятели, съ именами которыхъ исторія противомусульманскаго отдѣленія при Казанской духовной академіи за истекающее пятидесятилѣтіе ея существованія неразрывно связана: благодарно почтительная память о нихъ неизгладимо сохраняется въ сердцахъ бывшихъ студентовъ этого отдѣленія и будетъ переходить въ слѣдующія поколѣнія: эти лица поддерживали миссіонерское отдѣленіе своею безкорыстною и неутомимою дѣятельностью въ теченіе многихъ лѣтъ и обезпечили его существованіе на будущее время. Пріятно сознавать это, а еще пріятнѣе желать, чтобы на будущее время студенты миссіонерскаго отдѣленія находили приложеніе своимъ занятіямъ въ жизни и службѣ на пользу обширнаго нашего отечества, считающаго въ числѣ своихъ подданныхъ много милліоновъ мусульманъ и язычниковъ.

Бывшій студентъ миссіонерскаго противомусульманскаго отдѣленія,

Н. Остроумовъ.

8 іюля 1891 года.

Г. Ташкентъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion-estin.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

**Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста,
по электронной почте: info@axion-estin.ru**